

УДК 82.09
ББК 83.3(7Сое)53+
76.02(2)

МАРК ТВЕН В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Часть вторая

© 2017 г. Е.А. Стеценко

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 20 марта 2017 г.

Дата публикации: 25 сентября 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-3-166-189

Аннотация: В статье анализируется интерпретация творчества известного американского писателя Марка Твена в русской дореволюционной периодической печати (1872–1916). Предметом исследования являются критические статьи, очерки, рецензии, корреспонденции, а также предисловия к публикациям рассказов и романов Твена, некрологи по случаю его смерти и прочие материалы, печатавшиеся в столичных и провинциальных газетах и журналах. Восприятие Твена в России менялось в зависимости от многих факторов — политической и культурной ситуации в стране, состояния общественной мысли и литературной критики, журнальной или газетной конъюнктуры и пр., всегда оставаясь многогранным и противоречивым. В разное время, в годы демократического подъема и реакции, в произведениях писателя искали то, что соответствовало духу времени и помогало решению тех или иных идеологических и художественных задач. Твен характеризовался то как «чистый юморист», то как крупный писатель, философ и моралист. Творчество писателя стало предметом дискуссий демократов, либералов и консерваторов, феминисток, приверженцев реалистического и натуралистического литературного направления. Высокую оценку получил Твен как автор книг для детей и юношества. Замалчивались и подвергались цензурным сокращениям те произведения, где содержалась критика монархии и империализма. История отражения и толкования творчества Твена в русской печати служит доказательством того, что восприятие инонациональных литератур — это динамический и неравномерный процесс, складывающийся из колебаний, повторов, возвратов к прошлому и движения вперед, к более глубоким уровням анализа.

Ключевые слова: американская литература, журналистика, творчество Марка Твена, литературная критика, общественная и культурная ситуация.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Стеценко — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия.

E-mail: estetsenko@mail.ru

MARK TWAIN IN THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY PERIODICALS

Part 2

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017. E.A. Stetsenko

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: March 20, 2017

Date of publication: September 25, 2017

Abstract: This article deals with the analysis of interpretation of the works by Mark Twain, famous American author, in the Russian pre-revolutionary periodical press (1872–1916). The objects of research are critical articles, essays, reviews, correspondences, introductions to publications of Twain's short stories and novels, obituaries, and other materials printed in central and provincial magazines and newspapers. Perception of Twain in Russia was contingent on many factors including political and cultural situation in the country, state of social thought and literary criticism, newspaper and magazine conjuncture etc., always remaining polysemantic and conflicting. In different times, in the years of democratic rising or reaction critics looked for something in Twain's works that corresponded to the spirit of their time and helped solve ideological and aesthetic problems. Twain had reputation of either a "pure humorist" or a great writer, philosopher, and moralist. Democrats, liberals, conservatives, feminists, adepts of realistic or naturalistic trends in art discussed Twain's works that became a source of knowledge about the United States and inspired polemics about Russia's further development. Twain was highly esteemed as the author of books for children and young people. Yet his works that criticized monarchism and imperialism were often ignored or abridged. The history of Twain's interpretation in the Russian press serves as evidence of the fact that perception of foreign literature is a dynamic and bumpy process, repeating itself and moving backwards but also getting to deeper levels of meanings.

Keywords: American literature, Mark Twain, Russian periodicals, literary criticism, journalism, social and cultural situation.

Information about the author: Ekaterina A. Stetsenko, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, Moscow, Russia.

E-mail: estetsenko@mail.ru

Начало статьи см. Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 2. С. 120–143.

В течение многих лет Твен-юморист заслонял от русского читателя Твена — социального критика и моралиста, но серьезные материалы о писателе продолжали появляться на страницах периодической печати. Заслуживает внимания помещенная в газете «Минский листок» (1893, 11 мая, № 38) рецензия на перевод в «Вестнике иностранной литературы» рассказа «Банковский билет в 1.000.000 фунтов стерлингов», где отмечается умение Твена «построить фантазию на почве реальной правды» и проводится параллель между Америкой и Россией, многие граждане которой также «бледнеют перед миллионным билетом». Попытка дать объективную оценку творчеству Твена делается в «Книжках недели» (1896, № 9), называющих писателя «исключительным явлением в современном мире» и подчеркивающих его тягу к самообразованию, изучению средневековой истории. Биографический очерк в «Нови» (1897, № 9) характеризует Твена как непримиримого ко злу моралиста, обладающего огромным жизненным опытом, пишущего с юмором о серьезных вещах.

Вообще в конце 1890-х гг. усилилась тенденция к более глубокому осмыслению твеновского творчества, что связано, главным образом, с публикацией в 1897 г. «Воспоминаний об Иоанне д'Арке ее пажа и секретаря Луи де Конта» и переводом ряда статей солидных американских критиков. Большинство современных исследователей полагает, что роман «Жанна д'Арк», к которому Твен относился с особой любовью и серьезностью, — произведение далеко не лучшее в его наследии, грешащее несвойственной писателю сентиментальностью и значительными художественными про-

счетами. Но в дореволюционной России книга была принята с интересом и получила довольно большую прессу. В условиях цензуры историческая проза была особо популярна, поскольку русская интеллигенция нередко использовала исторические факты и сюжеты в качестве аналогий современной ситуации и как примеры для воспитания гражданского духа. Образ же простой девушки, руководившей королями и возглавившей освободительную борьбу, вызвал понятное сочувствие в эпоху распространения демократических и народнических идей.

Многие оценили роман как исторически достоверное повествование, привлекательное своей фактической стороной. Известный генерал М. Драгомиров, вдохновленный чтением «Жанны д'Арк», напечатал в «Военном сборнике» (1898, № 1) самостоятельное изложение судьбы героини, сопроводив его подробным разбором военных действий и полным описанием осады Орлеана с приложением чертежей и схем. Называя книгу «подарком русской читающей публике», по сравнению с «десятками переводных амурных романов, наполняющих наш книжный рынок», он жалеет, что Твен не остановился на документальном жанре, а выбрал беллетристическую форму, по мнению Драгомирова, являющуюся помехой и придающую сочинению неестественность. Близкая точка зрения содержится в «Русском вестнике» (1897, март), отмечающем тщательность изученности исторического материала и верность автора фактам, но критикующем невыдержанность стиля, искусственность и фрагментарность композиции романа.

Рецензент П. Краснов («Всемирная иллюстрация», 1897, 24 мая, № 2) считает, что у Твена все время сквозят приемы фельетониста и даже «самое заглавие книги отзывается шутовством». Попытку писателя выступить в качестве исторического романиста он считает неудачной и служащей уроком для других мастеров смеха. «Раз публика привыкла смотреть на него как на юмориста, — пишется в рецензии, — он не может писать серьезных исследований, тем более о возвышенных и трогательных предметах»¹. Совершенно противоположную позицию заняли «Неделя» (1897, № 15), назвавшая достоинством писателя беллетризацию исторического материала, оживляющую фигуру героини, и «Северный вестник» (1897, № 4), похваливший

1 Всемирная иллюстрация. 1897. № 2 (24 мая).

Твена за выбранную форму воспоминаний и отсутствие «юмористического намерения автора».

Новую волну откликов вызвали два последующих издания «Жанны д'Арк» в 1902 г. — в качестве приложения к журналу «Детский отдых» и как первого из серии исторических романов, задуманной издательской фирмой А. Ильина. В этой серии предполагалось выпустить десять книг, в том числе произведения Абеяра, Э. Сю, Бальзака и др. В предисловиях к этим изданиям Е.В. Лавровой и известного историка и журнального деятеля А.С. Трачевского сочетание в повествовании достоверности и вымысла признается оправданным. Положительно отзывалась о «Жанне д'Арк» и педагогическая печать. В журнале «Образование» (1902, № 1) П. Морозов называет роман одним из лучших исторических сочинений времени, где гармонично соединились научное знание и художественный талант.

«Жанна д'Арк» попала в список литературы, рекомендованной для народного чтения весьма строгой комиссией, установившей высокие идейные и художественные критерии для отбора². Переиздание романа приветствует А.А. Фаресов в своей рецензии в «Историческом вестнике» (СПб., 1902, № 2), пишущий, что «исторический роман, эта “вселенская панорама”, по выражению Белинского, несомненно, будет содействовать в русском обществе поднятию общественного духа и ознакомлению с мирозерцанием лучших деятелей всемирной истории в разные ее эпохи»³.

Рецензент П.С. Климентов в предреволюционном демократическом органе «Курьер» (1902, № 28) также подходит к роману с социальными мерками, но, с его точки зрения, Твен не находится на уровне современной исторической науки, поскольку не изображает массы как деятелей истории, не показывает экономических условий, определяющих историческую ситуацию, а уделяет слишком большое внимание психологии героини, чудесам и легендам. Считая выбор «Жанны д'Арк» в качестве первого романа исторической серии неоправданным, Климентов корит редакцию за отсутствие у нее четкой концепции исторического развития и личности. Аналогичным образом отмечается, что «культ героини идет в разрез с современными научными и воспитательными течениями», и в «Вестнике воспитания» (1903, № 8).

2 Народная литература. Сборник отзывов библиотечной комиссии. Киев, 1903. Вып. 1.
3 Исторический вестник. СПб., 1902. № 2.

Как можно видеть, вся эта разногласица мнений связана не только с действительной противоречивостью и художественным несовершенством романа, но и с борьбой идей в русском обществе, обострившейся в конце 1890-х — начале 1900-х гг. и стимулировавшей более вдумчивое отношение к литературе. Попыткой изменить облегченное представление русской публики о Твене можно объяснить перевод статьи американского ученого Карлиля Смайта («Журнал журналов», 1898, № 22), прямо утверждавшего, что неверно считать писателя только юмористом, призванным смешить людей, что существует серьезный Твен, страдающий от непонимания, выражающий глубокие мысли и чувства, автор романов «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» и «Простофиля Вильсон». Статья Смайта впервые познакомила русского читателя с позицией прогрессивной американской критики, уровень которой в осмыслении твеновского творчества тогда в целом был выше, чем в России. Уже в 1882 г. был написан очерк У.Д. Хоуэллса «Марк Твен», где подчеркивался национальный характер и вместе с тем общечеловеческая значимость произведений писателя. Пришло понимание подвижности, эволюции его творчества в сторону серьезной, социально-философской прозы.

Перепечатававшиеся из американской прессы материалы добавляли новые штрихи и к представлению о личности Твена. В «Литературных вечерах» «Нового мира» (1899, № 9) появились воспоминания Н. Брукса, некогда редактировавшего письма молодого автора с парохода «Квакер-Сити». В этих свидетельствах очевидца описывалось пребывание Твена в Калифорнии в 1860-е гг. и приводились не анекдоты, а подлинные факты из жизни писателя. Приближали читателей к Твену-человеку и художнику также интервью, к сожалению, очень немногочисленные.

В 1897 г. «Одесские новости» (8 октября, № 4107) поместили материал за подписью П. З-ич (П.И. Ротенштерн), пересказывавший интервью, данное Твеном в Вене австрийским журналистам. Сначала венский репортер приводит вымышленный разговор с Твеном, какой мог бы состояться, если бы характер писателя соответствовал представлению, составленному о нем широкой публикой. В этом комическом интервью у Твена все «юмористическое», даже волосы и руки, и никто не в состоянии принять его всерьез, в том числе врачи, не верящие испытанным им страданиям. Далее следует подлинная беседа, из которой можно узнать об отношении писателя к

немецкому языку и его любви к классикам немецкой литературы — Шиллеру, Гете и Гейне. В ответ на просьбу интервьюера дать автограф Твен пишет следующую фразу: «Правда — высшее благо, которым мы владеем. Будем же бережно обращаться с нею». Более насыщено фактами второе венское интервью, напечатанное в «Вестнике иностранной литературы» (1897, № 11), где содержатся сведения о планах писателя, его намерении издать новую книгу путешествий, его впечатления от посещения Венского городского совета и воспоминания о молодых годах.

В 1899 г. в «Одесских новостях» (7 марта, № 4561) появляется интервью, данное Твенем 2 (14) марта венскому корреспонденту этой газеты В. Симону [перепечатано «Смоленским вестником» (21899, № 86)]. В этой беседе писатель предстает человеком широких передовых взглядов, интересующимся самыми острыми проблемами современности и имеющим на них свою точку зрения. Он поддерживает позицию Э. Золя в деле Дрейфуса, которое называет «постыдным для цивилизации», и с симпатией говорит о женском движении в Австрии, считая, что у мужчин не должно быть никаких привилегий и недопустимо преграждать прекрасному полу путь к свободе. «Только продолжительная реакция, — говорит Твен, — способна создать такие безумные вопросы, как “женский” и наряду с ним “еврейский”»⁴.

Для русского читателя это интервью было особенно интересно столь редкими высказываниями об их родине. Планы Твена приехать в Россию по-прежнему неопределенны (в этой стране у писателя только один знакомый — художник В.В. Верещагин, с которым он беседовал на его выставке в Нью-Йорке), хотя желание познакомиться с таким «популярным» государством и с его «известными особами» остается. С огромным уважением Твен относится к русской литературе и особенно к Толстому, чьи произведения он «основательно изучил». «Вообще, — признается Твен, — все, что лишь переведено на английский язык с русского, я читаю с большим интересом»⁵. Он отказывается характеризовать любимых писателей более подробно, так как не владеет в совершенстве немецким языком, на котором давалось интервью, а «русская литература достойна того, чтобы, говоря о ней, не отделяться общими фразами, вроде “восхитительна”, “превосходна” и даже “велика”»⁶.

4 Одесские новости. 1899. № 4561 (7 марта).

5 Там же.

6 Там же.

Следующее интервью, по-видимому взятое из какого-то иностранного источника, было напечатано в 1902 г. в Прибавлении к «Новому времени», перепечатано в «Вестнике иностранной литературы» (1902, № 11) и кратко изложено в «Курьере» (1902, № 232) и «Асхабаде» (1902, № 249). Интервьюер Б. Нортроп, посетивший Твена в горах на вилле, явно поставил перед собой задачу показать неоднозначность твеновской судьбы и натуры. Он нарисовал портрет невеселого, занятого человека, испытывавшего нешуточные удары и потери, вынужденного из-за долгов «заложить мозг», тяжело трудиться и на старости лет «начать жизнь сначала». В приведенной Нортропом краткой биографии Твена выделяются, главным образом, печальные события — нелегкая работа в типографии, трагическая гибель брата Генри, банкротство.

И, наконец, в 1910 г. в «Раннем утре» (№ 82) было помещено последнее в русской печати интервью с Твеном, правда уже представлявшее собой воспоминания о встрече 20-летней давности. Некий М.С., корреспондент одной из московских газет, пересказывает разговор, состоявшийся после вечера берлинских писателей и касавшийся литературных вопросов. Высказавшись скептически о будущем натуралистического течения и выразив удивление по поводу парадоксального факта выдвижения из немецкой мещанской среды гениальных художников, Твен с присущим ему юмором сделал несколько замечаний о русской прессе. «Ваша пресса, — сказал он, — американизируется, как уже американизировалась печать в Париже и Лондоне. Вообще, ваша культура молодая. Только вашей русской молодежи и неопытностью я и объясняю, что у вас переводят мои произведения в большом количестве, но не платят мне ни пенса»⁷. На сетования интервьюера об отсутствии в России литературной конвенции и тяжелом положении издателей Твен ответил: «Значит, они издают мои сочинения *ad majorem gloriam*? Значит, ваши писатели пишут не для денег, а для славы? И это у вас со временем изменится...»⁸. Подводя итог беседе, автор очерка подтверждает, что во многом Твен оказался пророческим, — натурализм пережил себя, русская пресса американизировалась, «и только русские издатели все еще думают, что писатели, русские и иностранные, пишут только для славы»⁹.

7 Раннее утро. 1910. № 82.

8 Там же.

9 Там же.

«Американизацией прессы», которую предвещал Твен, далеко не исчерпывалось влияние Америки на жизнь европейских стран в конце XIX — начале XX в. Эта заокеанская держава продолжала вызывать противоречивые чувства и оживленные споры. Поэтому, хотя в России все больше росло понимание, что Твен — фигура общечеловеческого масштаба и значения, интерес к нему как к писателю американскому не только не ослабевал, но усиливался, приобретая разные оттенки в зависимости от той или иной точки зрения на саму американскую действительность. Еще в 1886 г., в небольшом предисловии, помещенном на обложке «Очерков и рассказов» Твена, подчеркивалось, что жизненный путь писателя — это типичный путь американца. В Америке, пишет издатель, «всякий честный труд пользуется таким почетом, что в скромном прошлом ее знаменитых впоследствии общественных деятелей там нет ничего особенного. Между тем живое соприкосновение с природой и народной средой дает американским писателям отпечаток мужественной стойкости и хорошего нравственного закала» [4, с. 1]. Национальной принадлежностью Твена объяснялась и специфика его юмора, оптимистического, грубого, склонного к гиперболизации, шаржу, бытовым подробностям, и его пристрастие к комическому в целом, так как американцы, занятые бизнесом и не умеющие развлекаться, видят в веселой книге единственный источник развлечения («Всемирная иллюстрация», 1891, 30 ноября, № 23).

Американские корни твеновского комизма отыскиваются во многих рецензиях, появившихся на вновь выходящие переводы произведений Твена (очень популярного, напечатанного в нескольких журналах рассказа «Смертный жребий», «Дневника Адама», «Жизни на Миссисипи» и пр.). В предисловии к «Избранным сочинениям Твена» (1898) отличительной чертой его юмора называется не европейская холодная ироничность, а американская открытая обличительность, переходящая в сатиру на общественные недостатки. Статья о С.Л. Клеменсе в «Энциклопедическом словаре» [7], подписанная известной писательницей и переводчицей З.А. Венгеровой, также отмечает типично американский характер твеновского эксцентричного смеха. Изображая столкновение простаков-янки с действительностью, автор, по мнению Венгеровой, рисует цельные, практичные, преуспевающие благодаря хитрости и находчивости натуры, делая при этом тонкие наблюдения над человеческой природой.

Традиционные представления об Америке как стране противоречивой, но молодой, имеющей большие перспективы, и о национальном характере, энергичном и жизнерадостном, сохранялись в русском обществе и в 1900-х, и в 1910-х гг., определяя тон многих материалов о Твене. «Вестник иностранной литературы» (1906, № 1), уделявший значительное внимание Соединенным Штатам и их литературе, откликнулся на 70-летие писателя статьей, где Твен изображался «новым Адамом», воплощением «американской наивности», всегда руководствовавшимся инстинктом и «скрывавшим под серьезной маской взрослого человека лицо дитяти». Известный писатель и журналист И.И. Ясинский (псевдоним — Максим Белинский) в критико-библиографическом очерке к «Полному собранию сочинений» Твена (1911) также связывает демократический, рассчитанный на всех, а поэтому «поверхностный» юмор Твена с его «американизмом». Северная Америка названа Ясинским «страной неожиданностей, своеобразной страной демократических странностей и чисто библейских карьер, напоминающих то блаженное время, когда пастухов выбирали в цари, а рыбаки становились апостолами» [5, с. 3]. Твен — порождение этой цивилизации, имеющей исключительно благоприятные условия и отличающейся уважением к техническому прогрессу и мечтой о вселенской гегемонии. Его биография — пример американского умения добиваться успеха, а в его характере одна из главных черт — предприимчивость, которая появилась еще в детстве, когда он оригинальным способом заработал свой первый гонорар.

Символом Америки видит Твена К.И. Чуковский, опубликовавший в 1910 г. в «Современном слове» (№ 814) живо и мастерски написанный очерк, богато иллюстрированный выдержками из книг писателя и фактами его биографии. В юморе Твена Чуковский не усматривает ничего «гоголевского» с его «полуулыбкой» и «самобичеванием». Этот смех выражает любовь к жизни, «трезвую, здоровую, бодрую “американскую” любовь», «без всякой трагедии, истерии». «Ничего писательского, кабинетного! — восклицает Чуковский. — Загорелое лицо землекопа, узкие, веселые глаза — “юморист и чернорабочий сразу”, как назвал его один американец. Потом он опять бродяга, опять в рудниках, то банкрот, то репортер, то редактор — американец с головы до ног. Он не то чтобы “знал Америку”, не то чтобы “изучил Америку”, он впитал Америку в себя, и жизнь его была “самая американская” и творчество его было “самым американским” изо всех... Марк

Твен первое, полнейшее порождение американской культуры, совершеннейший ее выразитель. И читая его книги, видишь: какая это нищая культура, — и какие огромные у нее возможности. Вся духовная сила Твена была в сверхъестественном необычайном слиянии со своим народом»¹⁰.

Правильно заметив и выделив главные черты твеновского творчества — его национальную и народную природу, Чуковский в этой первой своей публикации о Твене прошел мимо Твена-сатирика, критика нравов и философа. Не поняв внутренней трагедии писателя, только что завершившего свой жизненный путь, Чуковский написал: «Он был в полнейшей гармонии со своим миром и отсюда его величайшее доверие к Богу, к смерти, к судьбе, — тоже такое американское, — и отсюда его смех, самый счастливый, какой только слыхала вселенная. Обличать ему в этом мире было нечего, — для этого он был слишком свободен и слишком силен, и если его смех кажется нам зубоскальством, что ж? — в этом виноваты мы, а не он»¹¹.

Можно упрекнуть маститого литератора, известного детского писателя и литературного критика, тогда только начинавшего свою литературную деятельность, в ограниченности трактовки Твена, столь очевидной современному читателю, знакомого с трактатом «Что такое человек?», «Таинственным незнакомцем», «Автобиографией» и антиимпериалистическими памфлетами. Но нельзя не почувствовать в несколько восторженном пафосе статьи и в явном преувеличении оптимистической направленности творчества Твена тоску русского интеллигента начала века по уверенности в будущем, умению радоваться в жизни.

В русской печати тех лет публиковались, однако, и такие материалы, которые содержали более сдержанный и трезвый взгляд на Новый Свет. Корреспондент М. Назаревский в своем «Письме из Америки» («Русские ведомости», 1914, № 173) вспоминает рассказы Твена для того, чтобы показать, как изменилась жизнь в США за прошедшие полстолетия. В описанном им «железном городе» Гарри, этом создании «капиталистического гения», все принесено в жертву девизу «делай деньги», природа испорчена, власти творят беззакония, растет преступность, рабочие подвергаются угнетению и живут в нищете.

¹⁰ Современное слово. 1910. № 814.

¹¹ Там же.

Автор статьи «Марк Твен и наши юмористы» («Одесские новости», 1910, № 809) поражается ограниченности героев Твена и обилию у него описаний «человеческой глупости». «А между тем, — пишет он, — нельзя забывать, что дело всегда происходит в великой заатлантической республике, в стране свободы и простора жизни, среди наиболее культурных и приспособленных к борьбе за существование обитателей земли»¹². В контексте статьи подобная характеристика американского бытия является не констатацией реального положения вещей, а, скорее, идеальным пожеланием. В обществе с контрастами богатства и нищеты одинаково нелепы и смешны и «жертвы праздности и сытости», и те, кто тщетно карабкается вверх. Утверждая, что «Марка Твена отнюдь нельзя назвать обличителем буржуазных нравов, ни печальником народных интересов, ни, тем менее, отрицателем существующих общественных форм и отношений»¹³, автор статьи считает смех писателя направленным в равной степени против богатых и бедных, успеха и поражения¹⁴. По этой причине, говорится далее, часть твеновского юмора для русских читателей «прошла совсем бесследно, ибо не до смеху и не до забав им было часто. Американская сатира являлась для них слишком веселой и беззаботной и трогала постольку, поскольку в ней слышались сквозь смех знакомые им слезы»¹⁵. «Это смех сына нации, уже устроившей свою жизнь», — так охарактеризовал юмор Твена «Одесский листок» (1915, № 96) в заметке к пятилетию со дня смерти писателя. Американцы верят, что человек — господин мира, и смеются над неудачниками. В России же, где смех был горьким и бичующим, всегда «брался с идеей» и «отправлял свои гражданские обязанности», принято смеяться над сильными мира сего и сочувствовать обездоленным.

Понимание авторами этих публикаций отрицательных сторон американского «культу успеха», обернувшегося эгоизмом, бездуховностью и жестокостью, сказалось на их интерпретации творчества Твена, которому,

12 Одесские новости. 1910. № 809.

13 Там же.

14 В качестве примера, как это ни парадоксально, приводится «Принц и нищий». Интересно, что в других статьях о Твене («Южный край», Харьков, 1910, № 9960; «Голос Москвы», 1910, № 82) особая популярность этого романа в России объясняется как раз тем, что в нем Твен следовал европейской гуманистической традиции и выражал жалость к слабым. А «Новое время» (1910, № 12241) сравнивает Твена по снисхождению к человеческим недостаткам с Диккенсом.

15 Одесские новости. 1910. № 809.

как признанному выразителю национального духа, стали приписывать и пороки его страны. В.Г. Тан-Богораз, народоволец, этнограф, лингвист и писатель, совершенно несправедливо назвал Твена средним писателем, не создавшим ничего, кроме остроумных, но малосодержательных очерков. Возмущившись позицией Твена в скандале, который разразился по поводу приезда в Америку А.М. Горького и его гражданской жены М.Ф. Андреевой, он откликнулся на этот инцидент большой статьёй, озаглавленной «Что такое американская свобода?» («Двадцатый век», 1906, № 18). Америка, по его мнению, обладает неоспоримыми достоинствами — богатством, энергией народа, отсутствием религиозных гонений, феодальных институтов и рабства, с которым она покончила в Гражданской войне. В отличие от России, у нее нет засилья казенщины и бюрократии и есть «простонародная свобода». «Но одно из правильных условий правильного развития, — пишет Тан-Богораз, — высшая интеллигентная культурность, находится в Америке в состоянии довольно зачаточном»¹⁶. Развивая свою мысль, он характеризует положение американской интеллигенции, малочисленной, подчиненной власти «денежного мешка» и плохо обеспеченной. Приводя в качестве примера низкого престижа высшего образования тот факт, что «в ньюйоркском музее натуральной истории <...> секретарь отдела с университетским образованием получал 80 долл. в месяц, а столяр, починаящий шкафы и принадлежавший к союзу столяров, вырабатывал 120 долл. в месяц»¹⁷, Тан-Богораз называет Америку раем для капиталистов, матерью для ремесленников и мачехой для интеллигентов. Он считает необходимым писать в России о недостатках США: о существовании денежной аристократии, о показной морали и лицемерии, о низком уровне литературы и журналистики. У русской интеллигенции, пишет автор, нет прав, но она выше интеллигенции американской, так как не идет на поводу у обывательских предрассудков, являясь носителем идей «личной и общественной свободы, братства, общего мира и труда, отрицания условности и общественного лицемерия»¹⁸.

Таким образом, критические высказывания в адрес Твена в начале века были во многом связаны с негативным отношением к самим Соеди-

16 Двадцатый век. 1906. № 18.

17 Там же.

18 Там же.

ненным Штатам, все больше демонстрировавшим хищническую сущность империализма и несовершенство буржуазной этики. Литераторы, сравнивавшие американских писателей с русскими, часто подчеркивали гуманистические традиции отечественной литературы, ее гражданский пафос и независимость от ханжеской морали. Но немало было статей и иной направленности, где разговор об авторах зарубежных, в том числе о Твене, служил поводом для критической оценки и обсуждения собственной культурной ситуации.

В предисловии А. Аверченко к «Собранию сочинений» Твена (СПб., 1910), где причиной необыкновенной популярности произведений писателя называется сочетание в них «здорового смысла», «забавной карикатуры и абсурда», «сочувствия к обездоленным, ненависти к угнетателям», любви к жизни и уважения к «идеальным порывам человечества», пишется: «Все это, в соединении с меткостью выражений, живым, простым, прекрасным языком и благодушной англо-саксонской мудростью, сделало Твена самым любимым писателем холодной Англии и сухой, набитой, как мешок, долларами — Америки. Эти невозмутимые, хладнокровные страны, как будто отдыхают на веселом, кипучем, порывистом Твене, как отдыхала в свое время Англия на Диккенсе. Впрочем, Твен завоевал сердца не только своих соотечественников <...> все его любили, прекрасного, веселого сатирика, даже мы, русские. А уж это известно, что нет народа более нудного, печального, с отчаянной скорбью в истерзанных натурах и мучительными вопросами на устах, чем мы, русские» [6, с. XXV]. А С. Лорие в предисловии к «Жизни на Миссисипи» (М., 1910), подчеркивая наличие у Твена трагических сторон жизни, считает и его юмор, и его трагизм одинаково «по-американски» здоровыми, лишенными присущих русским «насильственного смеха и искусственных слез, болезненных страхов и нервных исканий» [3, с. 4].

В газете «Приднепровский край» (Екатеринослав, 1910, № 3942) С. Соломин в «Маленьком фельетоне» пытается объяснить, почему в России нет своего Твена, и предсказать условия, при которых он может появиться. Главной чертой Твена, отличающей его от русских юмористов, Соломин называет добродушие, любовь и снисходительность к человеку, перед которым писатель не ставит неразрешимых задач. Твен, по мнению критика, принимал людей такими, какие они есть, исходя из реальности, что не свойственно русским юмористам, «возящимся с воображаемым че-

ловеком». Именно отсутствие любви к человеку, «независимо от того, соответствует ли он идейной программе», а не политический строй, толкуется далее, причина того, что личность в России унижена так, как ни в какой другой стране. Русские писатели упрекаются в умении радоваться жизни и в пристрастии к отвлеченному умствованию. Единственным «беспримесным» юмористом, пишется в статье, был в России Козьма Прутков. Гоголь «загубил» свой юмористический талант, «вздумав решать судьбы русского народа и став отыскивать его суть». Такой же путь от комического до трагического мировосприятия прошел Г. Успенский, задумавший «разгадать русского мужика» и сошедший с ума. Его, Чехова, Горького и многих других автор считает жертвами радикалов, оказавших на отечественную литературу пагубное влияние. «Юмор тонкий, — утверждает он, — не переходящий в грубый фарс, нам или вовсе недоступен, или мы до него не доросли. Сейчас пропустим гражданскую слезу, партийную программу, вещательное пророчество, проповедничество или даже богоискательство»¹⁹. «Русский мир оторвался от своей естественной почвы — быта, поскольку в России быт — “одряхлевшее здание”, а для нового “не видно и фундамента”»²⁰. «И, конечно, быт этот сложится не по какой-либо партийной программе и народ русский не оправдает интеллигентных надежд и теорий, а заживет как-нибудь по-своему»²¹. Вот тогда, пророчествует Соломин, и появится свой Марк Твен.

Сравнения между юмором американского писателя и русской юмористикой проводились даже в некрологах Твена. В некрологе, озаглавленном «Любовь и юмор» («Двинский листок», 1910, № 1058), В. Лесовой пишет: «Со смертью Марка Твена мы, русские, потеряли больше, чем кто бы то ни было, ибо мы меньше, чем кто бы то ни было, умеем просто и искренне смеяться. Мы смеемся всегда над чем-нибудь, а не по внутренней органической потребности, мы в сущности даже не смеемся, а осмеиваем, насмехаемся, отравляем свой смех ядом сатиры и желчи. Русская литература совершенно не знает того здорового и естественного смеха, который составляет у нас удел одних детей и наиболее ярким выражением которого был покойный Марк Твен. Это не гоголевский и не чеховский смех “сквозь

19 Приднепровский край. Екатеринослав, 1910. № 3942.

20 Там же.

21 Там же.

слезы”, это не саркастическая усмешка Щедрина, это не злорадно-торжествующий хохот Мефистофеля, — это простой и веселый смех здорового человека, который полюбил жизнь со всеми ее уродствами и нелепостями, которому просто и весело хочется смеяться от ощущения жизни, силы и энергии. Благословение Божие этот радостный смех, и какое несчастье, что мы лишены его, что мы готовы стреляться из-за двойки по алгебре»²². Жизнь Твена, подчеркивает автор, была полна лишений, которые не смогли бы вынести в России, однако он сохранил оптимизм. В России плохо понимают «Смех от любви к жизни»: «Мы прощаем смех и юмор только тогда, когда он служит сатире, когда он имеет в виду унижить Пуришкевича или изобличить Гучкова...»²³.

Откликнулся на смерть Твена и известный писатель, мастер реалистического рассказа А.И. Куприн, уже ранее сравнивавший творчество Твена с русской литературой в заметке «Проказливый юмор» [2], где пишется, что комическое в России свелось к «юмору висельников», жестокой сатире, пародии и мрачному анекдоту. В некрологе «Умер смех» («Одесские новости», № 8087) Куприн говорит, что «вместе с Клеменсом ушла — и, я думаю, безвозвратно — та смеющаяся печаль, та окрыленная светлыми слезами веселость, которую мы зовем юмором <...> Мы, теперешние люди, оглушенные ревом автомобилей, звонками телефонов, хрипом граммофонов и гудением экспрессов, мы, ослепленные электрическими огнями вывесок и кинематографов, одурманенные газетой и политикой, — разве мы смеемся когда-нибудь? Мы — или делаем кислую гримасу, которая должна сойти за усмешку, или катаемся от щекотки в припадке истерического хохота, или судорожно лаем на жизнь, отплевываясь желчью. Но тот светлый смех, за который Достоевский называл Диккенса “самым христианским из писателей” и который так пленял Пушкина в ранних гоголевских повестях, — этот смех почти на наших глазах растаял и испарился. Он начался громоподобным смехом гомеровских богов <...> и окончился вчера, в тот момент, когда на лице Марка Твена легла вечная улыбка мудрости <...> надолго, если не навсегда, мы обре-

22 Двинский листок. 1910. № 1058.

23 Там же. Интересно, что в помещенном рядом с некрологом Твену («Бессарабская жизнь», 1910, № 83) некрологе выдающемуся украинскому актеру и драматургу М.Л. Кропивницкому звучит та же мысль. О классическом водевиле Кропивницкого «По ревизии» говорится, что он «написан в радостных, ликующих тонах, совершенно неведомых нынешнему хмуromу поколению».

чены переходить от двухсложного анекдота к бешеной сатире. Но истинный, здоровый и беззлобный смех умер в трескотне и пыли города»²⁴.

Подобные нарекания в адрес русской литературы и русского общества, разумеется, прежде всего отражают реальное положение вещей. Американская и русская юмористика действительно опирались на разные традиции и развивались в несхожих условиях. Та реальность, которая существовала в России, слабом и отсталом звене капиталистического мира, не давала особых поводов для жизнерадостности и оптимизма. Расстояние между действительностью и идеалом было слишком велико, жизнь не представлялась прекрасной «сама по себе», и больше надежд возлагалось не на ее самодвижение, а на ее преобразование в соответствии с той или иной идеей. Общество, скованное архаичными государственными и экономическими институтами, нуждалось в преобразовании. Русские писатели, в отличие от американских, всегда творившие в условиях цензуры и игравшие активную роль в общественно-политической жизни, выступали в качестве критиков, учителей, пророков, они были «властителями дум». Отсюда и «незримые слезы», и сатира, и гнев, и идейная тенденциозность. Ожидать от истинно гражданской литературы «беззлобного» смеха и упрекать ее за отсутствие такового по меньшей мере странно и неоправданно.

Но критический пафос упомянутых статей направлен в первую очередь против духовной атмосферы кризисного периода начала века, характеризовавшегося настроениями упадничества, безверия, озлобленности, ухода от реальности в мир абстрактных идеалов и романтических грез. Полный энергии юмор Твена как бы восполнял в России необходимый элемент духовной жизни и помогал оздоравливать национальный дух. Американский прагматизм, грубоватая жизненная сила, даже некоторая приземленность и поверхностность, в определенной степени, противопоставлялись декадентскому мироощущению. При этом в пылу полемики нередко сгущались краски — отечественная литература подвергалась несправедливым нападкам, ее картина искажалась, факты получали неверную трактовку. Упрощалось и творчество Твена, в оценке которого делался акцент на черте, нетипичной для русского юмора, — «здоровом оптимизме», а сатира, сарказм, горькая ирония упускались из виду.

24 Одесские новости. № 8087.

Представление о восприятии Твена в России в начале века дают его некрологи, десятки которых появились в столичной и провинциальной прессе. Одновременно с Твеном ушли из жизни Э. Ожешко, Б. Бьернсон, М. Кропивницкий, П. Виардо, но сообщения о кончине американского писателя были многочисленнее, подробнее и носили более сенсационный характер. Из этих материалов, часто перепевавших друг друга, очевидно, что широкая публика по-прежнему относилась к Твену как к веселому шутнику. Даже на столь печальное известие многие газеты и журналы откликнулись перепечаткой популярных анекдотов, а масса некрологов начиналась известной шуткой Твена о преувеличенных слухах по поводу его смерти.

Повторялись и легенды об этом удивительном человеке, причем иногда противоречащие друг другу. Так, корреспондент из Калифорнии П. Тверской («Вестник Европы», 1910, № 7) писал, что Твен — «мудрый и снисходительный государственный деятель», влиявший на политику и общественное мнение, которого слушались правительство и народ, и в то же время свободный и беспечный представитель артистической богемы. Детьцем молодой культуры Нового Света, певцом дикой природы и безграничной свободы называется Твен в «Вестнике знания» (1910, № 5). «Голос Москвы» (1910, № 82) представил Твена как литератора американского образца — не далекого от мирской суеты художника, а предприимчивого дельца, в чьих книгах «катехизис и основы мировоззрения его сородичей, знаменитостей другого типа, всех этих Вандербильдов, Рокфеллеров, Морганов и иных»²⁵. Твен отличается от них якобы лишь тем, что делал деньги не нефтью, рудниками или железными дорогами, а литературой. В «Вестнике иностранной литературы» (1910, № 6), «Вокруг света» (1910, № 18), «Природе и людях» (1910, № 27) Твен нарекается апостолом практического ума, жизнерадостным янки, «Клондайком веселья», неунывающим весельчаком и вечным шутником. В «Баяне» (1910, № 6) говорится, что лучшее в наследии писателя — это мелкие рассказы, а не серьезные романы, «все эти “Янки при дворе короля Артура” и т. д.» В. Дорошевич в «Русском слове» (1910, № 82) писал о роли Твена-утешителя, отвлекавшего людей от печали. Блестящий, остроумный некролог принадлежит А. Аверченко («Сати-

25 Голос Москвы. 1910. № 82.

рикон», 1910, № 17), но и здесь Твен оценивается как чистый юморист, цель которого — «развеселить читателя», и как типичный американец, «из железа кованный», «достигший всего того, что только может подсказать самая изощренная фантазия». «Твену как-то не к лицу смерть, — пишет Аверченко. — Странно, чтобы она стояла у такого неподходящего ей изголовья: изголовья самого веселого человека в мире»²⁶.

Но во многих некрологах о Твене говорится как о «великом писателе». «Только совсем поверхностные критики видели в нем не более как записного зубоскала», — утверждает автор общего некролога о Твене и Бьернсоне во «Всемирном» (1910, № 12). В произведениях Твена «видна рука искусного, вдумчивого и гуманно-настроенного бытописателя», — пишет «Смоленский вестник» (1910, № 80). А в «Одесских новостях» (1910, 14 апреля) приводятся слова Т. Рузвельта: «Это была краса и гордость наша! Марк Твен был не только первым юмористом нашего времени, — это было, прежде всего, золотое сердце, философ, в лучшем значении этого слова, всегда жизнерадостный и такими же жизнерадостными делавший всех своих многочисленных читателей».

В некоторых некрологах подчеркивались одновременно и национальный характер, и общечеловеческое значение творчества Твена. В «Нижегородском листке» (1910, № 97) «Принц и нищий» помещается в один ряд с «Робинзоном Крузо» и «Дон Кихотом». В «Ниве» (1910, № 21) Твена, наряду с Бретом Гартом, Э. По, Дж. Лондоном, относят к тем писателям, которые подняли литературную репутацию Америки, считавшейся неспособной к художественному творчеству. «Одесское обозрение» (1919, № 694) оценило Твена настолько высоко, что назвало его почти единственным представителем современной литературы США, кончившейся вместе с ним.

Такое разное прочтение твеновского наследия показывает, насколько неоднородным было восприятие этого писателя в России, по-разному понятого людьми различных культурных уровней, убеждений и вкусов. Пресса в той или иной мере и форме отражала эти противоречивые мнения, не всегда, однако, давая верную картину их распространенности и важности благодаря своей зависимости от цензуры, моды, обывательских запросов, принятых клише.

26 Сатирикон. 1910. № 17. С. 2.

После смерти писателя значительно уменьшился поток сенсационных материалов и анекдотов, хотя интерес к его творчеству не иссякал. Журнал «Сатирикон» затеял 12-томное издание Твена, первое из серии сочинений популярных юмористов. В «Солнце России» (1912, № 5) печатались отрывки из воспоминаний секретаря Твена А. Пейна, были переведены мемуары Марион Аллен, хозяйки дома, где жил писатель в последние месяцы жизни («Вестник иностранной литературы», 1914, № 3; «Руль», 1914, № 455). В «Раннем утре» (1910, № 83) появилась статья знаменитого московского репортера В.А. Гиляровского (за подписью Пропеллер), рассказавшего о своих встречах с Твеном в Париже и сетовавшего на то, что далеко не все твеновские произведения переведены на русский язык. Поводы для отказа от перевода нередко были курьезными. Например, одно издательство решило не печатать рассказ Твена, рекламировавший подтяжки, чтобы не делать рекламы фирме, которая никаких отношений с Европой не имеет. Печатались сообщения об оставшихся после Твена рукописях, о его незаконченной пьесе, о памфлете «Что такое человек?». «Речь» (1910, № 121) писала, что этот памфлет автор не решался публиковать как единственное свое неюмористическое произведение. Рецензировались вновь выходящие книги Твена. Положительно был встречен роман «Янки при дворе короля Артура», появившийся в 1911 г. в 3–4 т. «Собрания сочинений». Рецензенты («Современное слово», 1911, № 1378; «Бюллетень литературы и жизни», 1911, № 6) хвалили роман за новый жанр «утопии о будущем», видя его актуальность для современной Европы в разоблачении социального гнета с демократических позиций.

Заслуживают внимание печатавшиеся в русской периодике материалы зарубежной критики. В заметке о книге А. Гендерсона «Марк Твен» (Лондон, 1911) в журнале «За 7 дней» (1911, № 18) Твен оценивается как юморист, социолог и моралист, много страдавший и глубоко знавший жизнь. Здесь он и Уолт Уитмен называются «великими истолкователями и воплощателями духа Америки», «драгоценнейшим вкладом демократии во всемирную сокровищницу литературы». Нетрадиционный взгляд на Твена предложен в переведенной книге В. Трента и Д. Эрскина «Великие американские писатели» (1914). Ее авторы высказывают мысль о разочарованности Твена к концу жизни, о трагизме и психологизме, присущих не только его позднему, но и раннему творчеству.

Необходимость пересмотреть отношение к Твену ощутили и некоторые русские литераторы. Известный театральный деятель П. Гнедич («Ежегодник императорских театров», 1912, вып. 3) пишет о том, что в России до сих пор плохо понимали Твена и публика, и критика, не заметившие его сатиры и пародийной направленности против бульварных романов. Таким образом, публикации поздних вещей Твена, фрагментов его автобиографии и воспоминаний о нем, а также ставшая более глубокой точка зрения на его творчество в Америке и Европе, где в 1900–1910-е гг. значительно увеличилось число критических статей и серьезных книг о писателе, повлияли на оценку его наследия в русской печати.

Восприятие Твена в России менялось в зависимости от многих факторов — политической и культурной ситуации в стране, состояния общественной мысли и литературной критики, журнальной и газетной конъюнктуры и пр., всегда оставаясь многозначным и «многослойным». В разные годы в произведениях писателя искали то, что соответствовало духу времени и помогало решению тех или иных идеологических и художественных задач. А.В. Касьян в своей диссертации, посвященной Твену в России, в целом верно выделяет следующие четыре этапа восприятия Твена в России: 1 — до 1880 г., когда преобладала точка зрения демократической критики, относящейся к Твену, главным образом, как к сатирику; 2 — 1880–1890-е гг., время реакции, когда Твен трактовался прессой как «чистый юморист»; 3 — конец 1890-х гг., когда появились серьезные статьи о Твену и начало формироваться мнение о нем, как о крупном писателе; 4 — 1910–1916 гг., когда в условиях жесткой цензуры снова возродилась легенда о Твену — «беззлобном шутнике» [1].

Обращение к инациональной литературе неизбежно сопровождалось ее вписыванием в свой социально-культурный контекст, ее преломлением через свое мировосприятие, что, с одной стороны, могло привести к искаженной и поверхностной трактовке оригинала, а с другой стороны, помогало выделить в нем общечеловеческие мотивы и ценности. У Твена русский читатель нашел многое, импонировавшее ему, и в первую очередь гуманизм, демократические идеалы, нетерпимость к несправедливости и угнетению. Кроме того, книги Твена в какой-то мере удовлетворяли подавленную историческими условиями потребность русского человека в свободе самовыражения и непосредственной жизнерадостности. Делая Твена,

как и многих других зарубежных писателей, частью собственной культуры, русские читатели расширяли свой кругозор, преодолевая навязанную внутренними обстоятельствами ограниченность.

История отражения и толкования творчества Твена в русской периодической печати в 1872–1916 гг. служит еще одним доказательством того, что восприятие инациональной литературы — это динамический и неравномерный процесс, складывающийся из колебаний, повторов, возвратов к прошлому и движения вперед, к более глубоким уровням анализа.

В XIX в. литературоведение, еще не ставшее окончательно особой отраслью филологии, редко обращалось к современной ему литературе. Творчество Твена осмыслялось его современниками преимущественно в критике, законы которой — привязанность к сегодняшнему дню, полемичность, стремление к пропаганде, идейная тенденциозность — накладывали свой отпечаток на объективность, широту и многосторонность исследований. Но в кратких разноречивых рецензиях, аннотациях, заметках уже были намечены мысли, тенденции и направления, получившие развитие в фундаментальных трудах ученых-литературоведов XX в. Для отечественной науки трактовка Твена в дореволюционной русской периодической печати может рассматриваться как предварительный, но важный этап, как необходимая веха в восприятии наследия великого американского писателя.

Список литературы

- 1 *Касьян А.К.* Марк Твен в России (1872–1966): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1967. 23 с.
- 2 *Куприн А.И.* О литературе / сост. Ф.И. Кулешов. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 455 с.
- 3 *Твен М.* Жизнь на Миссисипи. СПб., 1910.
- 4 *Твен М.* Очерки и рассказы. СПб., 1886.
- 5 *Твен М.* Полное собрание сочинений. СПб., 1911.
- 6 *Твен М.* Собрание сочинений. СПб., 1910.
- 7 Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. Т. 15: Керосин — Коаиле, 1895. 478 с.

References

- 1 Kas'yan A.K. *Mark Tven v Rossii (1872–1966): avtoref. dis. ... kand. filol. n.* [Mark Twain in Russia. PhD Diss. Synopsis]. Leningradskij gos. ped. in-t im. A.I. Gercena Publ., 1967. 23 p. (In Russ.)
- 2 Kuprin A.I. *O literature* [About Literature], ed. F.I. Kuleshov. Minsk, Izd-vo BGU Publ., 1969. 455 p. (In Russ.)
- 3 Tven M. *Jizn na Missisipi* [Life on Missisipi]. St. Petersburg, 1910. (In Russ.)
- 4 Tven M. *Očerki i Rasskazi* [Essays and Short Stories]. St. Petersburg, 1886. (In Russ.)
- 5 Tven M. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. St. Petersburg, 1911. (In Russ.)
- 6 Tven M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. St. Petersburg, 1910. (In Russ.)
- 7 *Entsiklopedičeskii slovar'* [Encyclopedia], ed. prof. I.E. Andreevskii. St. Petersburg, F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1890–1907. Vol. 15: Kerosin — Koaie, 1895. 478 p. (In Russ.)